

12. Яшина М. Методы и приемы исследования культурно-маркированной лексики [Электронный ресурс] / М. Яшина // *Studi Linguistici e Filologici Online*. — 2009. — Volume 7.1. — P. 45–76. — Режим доступа: <http://www.humnet.unipi.it/slifo/vol7.1/Yashina7.1.pdf>

13. Kowalewski J. Od A do C — problemy z metodą komunikacyjną w nauczaniu języka polskiego jako obcego poza Polską. Program kulturowy jako alternatywa dla podejścia zadaniowego / J. Kowalewski // *Acta Universitatis Lodzensis. Kształcenie polonistyczne cudzoziemców*. — 2013. — № 20. — S. 261–270.

14. Plezia M. Legenda o smoku wawelskim / M. Plezia // *Rocznik Krakowski*. — 1972. — № 42. — S. 21–32.

15. *Kultura polska. Silva rerum* / [pod red. R. Cudaka i J. Tambor]. — Katowice : Śląsk, 2002. — 276 s.

16. *Słownik języka polskiego PWN* / [oprac. E. Sobol]. — Wyd. 2. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN. — 2005. — 1304 s.

СТЕПАНОВ ЕВГЕНИЙ

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ФОНА ГОРОДА

Цель данной статьи — выявить и показать роль феномена лингвокультурного фона в формировании специфики культурного кода определённого города и его жителей. Объект исследования — русская городская речь Одессы, Санкт-Петербурга, Черкасс, некоторых других городов. Предмет исследования — факторы и механизмы формирования и функционирования лингвокультурного фона города. Используются социолингвистические методы синхронического и диахронического исследования, описательно-исторический метод, методы сопоставительного, этимологического, словообразовательного анализа. Выводы: основными в формировании лингвокультурного фона города являются социально-экономический, социально-этнический, географический и историко-культурный факторы. Приоритетным механизмом реализации феномена лингвокультурного фона города является территориально-социальная регионализация русской речевой нормы. Этот процесс выражается в особенностях образования, интерпретации и использования в устной и письменной речи некоторых групп слов, фразеологизмов, художественных средств, прецедентных единиц, а также в специфике вариативного использования ряда фонетических, просодических, грамматических, стилистических явлений.

Ключевые слова: лингвокультурный фон, русская городская речь, региональная речевая норма, феномен городской прецедентности.

Мета цієї статті — виявити і довести роль феномену лінгвокультурного фону у формуванні специфіки культурного коду певного міста і його жителів. Об'єкт дослідження — російське міське мовлення Одеси, Санкт-Петербурга, Черкас, деяких інших міст. Предмет дослідження — чинники та механізми формування і функціонування лінгвокультурного фону міста. Використано соціолінгвістичні методи синхронічного та діахронічного дослідження, описово-історичний метод, методи порівняльного, етимологічного, словотвірного аналізу. Висновки: основними у формуванні лінгвокультурного фону міста є соціально-економічний, соціально-етнічний, географічний та історико-культурний чинники. Пріоритетним механізмом реалізації феномену лінгвокультурного фону міста є територіально-соціальна регіоналізація російської мовної норми. Цей процес виражається в особливостях творення, інтерпретації та використання в усному та письмовому мовленні деяких груп слів, фразеологізмів, художніх засобів, прецедентних одиниць, а також у специфіці варіативного використання ряду фонетичних, просодичних, граматичних, стилістичних явищ.

Ключові слова: лінгвокультурний фон, російське міське мовлення, регіональна мовленнєва норма, феномен міської прецедентності.

The purpose of article is to identify and to prove the role of the phenomenon of lingual and cultural background in modeling the specifics of a certain cultural code of the city and its inhabitants. The object of research is the Russian urban speech of Odessa, St. Petersburg, Cherkasy, some other cities. The subject of research is the factors and mechanisms of formation and functioning of lingual and cultural urban background. Sociolinguistic methods of synchronic and diachronic study, descriptive and historical method, methods of comparative, etymological, word-formation analysis were used for obtain the results. Conclusions: The socio-economic, social and ethnic, geographical, historical and cultural factors are the main in modeling of lingual and cultural urban background. Territorial and social regionalization of the Russian speech standard is a priority implementation mechanism of the phenomenon of lingual and cultural urban background. This process is reflected in the features of the formation, interpretation and use of some groups of words, phraseology, artistic means, precedent units, as well as in the specific use of variable phonetic, prosodic, grammatical, stylistic phenomena in spoken and written language.

Key words: lingual and cultural urban background, the Russian urban speech, the regional speech standard, the phenomenon of urban precedent.

О понятии лингвокультурного фона языковеды привыкли слышать и говорить в связи с изучением особенностей передачи переводчиками фоновых и безэквивалентных понятий в лексике, фразеологии, а иногда и в фонетике, синтаксисе. Приоритет современных антропоцентрических исследований даёт всё больше оснований для изучения закономерностей в изображении писателями

и поэтами лингвокультурного фона национальных и инациональных реалий. Это направление уже некоторое время известно в лингвистике.

Опыт наших исследований свидетельствует о том, что свои закономерности и средства имеются и в изображении лингвокультурного фона речи тех, кто проживает в городе и деревне, мегаполисе и небольшом городе, в экономически по-разному ориентированных городах: портовом, шахтёрском, курортном, военном, в городах химиков, атомщиков, автомобилестроителей и других. Различия лингвокультурного фона имеются в городах с многовековой и короткой историей; в городах, расположенных в разных климатических зонах; в городах с разными культурными и литературными традициями, конфессиональными предпочтениями. В этом же ряду находятся гендерные, возрастные, другие социолингвистические исследования лингвокультурного фона речи разных социальных категорий населения.

Мы выделяем 4 основных параметра, которые необходимо учитывать в исследовании лингвокультурного фона речи жителей каждого города:

1. Социально-экономический.
2. Социально-этнический.
3. Географический.
4. Историко-культурный.

Основными единицами языка, отражающими специфику лингвокультурного фона, являются лексемы и фразеологизмы. В лексико-фразеологических системах городских койне наилучшим образом реализуется феномен городской прецедентности, обусловленный указанными выше факторами. Каждый из факторов формирует семантическую специфику денотативного и коннотативного уровней лексико-фразеологической системы городской речи: как в городском койне, так и в социолектах города.

1. Особенности экономической деятельности и обусловленного ею социального поведения горожан влияют на процесс постоянного обновления лексико-фразеологической системы. Появляются новые либо трансформируются уже существующие денотаты. Денотативный и коннотативный макрокомпоненты каждой единицы в том или ином городе могут иметь свою специфику, вызванную степенью значимости для городского социума определённых сфер хозяйствования, способов организации их инфраструктуры, устареванием одних видов промысла и появлением новых, наличием

либо отсутствием сфер с этно-экономическими особенностями. Приведём несколько примеров.

Ещё в 1950-е годы в Черкассах не было Химического посёлка, а поэтому фраза *жить на Химическом* была бы непонятной. Только с 1965 года, после введения в строй завода азотных удобрений, Черкассы стали городом большой химии и людей перестал удивлять топоним *Химпосёлок*. В словарях русского языка отсутствуют слова *метанольщик* и *капролактамищик*, хотя их внутренняя форма довольно прозрачна. Однако в койне городов большой химии эти слова привычны и являются реальными, а не потенциальными. В газете «Щёкинский химик» (г. Щёкино Тульской области) эти слова используются как литературно нормативные. Напр.: *Лучшим снайпером турнира стал метанольщик Андрей Лобанов, а лучшим нападающим — капролактамищик Руслан Волушков* (2015).

Обратимся к речи одесситов. В одном из произведений сер. XIX в. Осип Рабинович пишет: *Как истинное дитя Одессы, он [Фирлич. — Е. С.] знал толк в заморских винах и не иначе пил, как из четверкового стакана, который у него назывался порто-франк [Осип Рабинович]*. Разумеется, одесситы осознавали значение экономического режима порто-франко для развития города. В литературе об Одессе часто об этом упоминается. А первый коммерческий банк, основанный в Одессе в 1990 году, так и назвали: *Порто-Франко*.

В литературном языке имеется немалое количество фразеологизмов, возникших под влиянием определённых экономических приоритетов. Например, *выдать на гора* сегодня можно не только уголь или железную руду, но даже научные публикации. В портовых городах продуктивной является морская и коммерческая метафоры. Например: *Может, швартовка твоя подошла? [Илья Митрофанов]. На траверсе — акации в строю, / Я лагом к Дерибасовской стою [Измаил Гордон]. Эти «моряки в седле» до сегодняшнего дня окружают меня... [Михаил Пойзнер]* (= «те, кто получил береговую профессию в морском вузе»). *Тут же, на Пересыпи — главная биржа перекупщиков, «зайцев», «скакунов» и прочих мелких гешефтмажеров, которые ежедневно далеко до рассвета выходят на промысел и пускают в дело всевозможные хитрости, чтобы накрыть простоватого крестьянина, везущего в город зерновой хлеб [Путеводитель по Одессе..., 1889]*. В военных городках нередко можно встретить

непривычную в общепотребительной речи милитаризованную метафору или трансформы фразеологизмов типа: *У меня снова пу-стые кастрюли: всё выедают до гусениц. Стрельнул по воробьям из 120-ки [Из разговора]*.

2. Социально-этнический фактор, как и экономический, изменчив, поскольку в разное время в одном и том же городе может увеличиваться или уменьшаться количество представителей определённых национальностей, носителей тех или иных языков. Таких примеров на карте большинства современных стран немало.

Известно, что многие топонимы и единицы городского просторечия Санкт-Петербурга — финского происхождения. Например, топонимы *Мойка, Гатчина, Охта, Лиговка, Карповка* (карпий-оки — «лесная речка»), *Шушары* («развилка на болоте»), *Нева* и др. В литературном русском языке имеется фразеологизм *по чём фунт лиха?* Мы считаем, что появилось это выражение в литературном языке не раньше XVIII века. Прецедентность этого выражения, его фразеологизация связана с явлением межъязыковой омонимии. *Liha* по-фински «мясо». А вплоть до начала 1920-х годов Петербург снабжался мясом и молоком преимущественно из финского сельскохозяйственного пояса, существовавшего вокруг города.

Известное сегодня в общерусском просторечии слово *пиндос* вошло в русский язык благодаря активному взаимодействию греческой и русской лингвокультур в Одессе. В XVIII—XIX вв. в Одессу и её окрестности попадали выходцы из разных регионов Греции, но чаще румелийцы и островитяне. Самыми бедными, неграмотными, диковатыми среди греков были горцы из района Пинда (н.-гр. *Πίνδος*), с северо-запада Греции. (Ещё в Древней Греции на горные племена этолян, акарнанов, вольских локров городские греки смотрели как на полуварваров [2, с. 10].) Сами греки в XIX в. *пиндосами* называли жителей Пинда, следовательно, в русскую речь одесситов *пиндос* > *πίνδος* пришло из речи приморских греков как микроэтноним с негативными оценочными семами «грязный», «дикий», «невоспитанный», «необразованный», «хамовитый» в коннотативном макрокомпоненте значения. (В современном греческом языке в этом значении употребляется слово *αλβανος*). Отношение румелийцев и островитян к понтийцам (черноморским грекам) во многом совпадало, по словам самих греков, с отношением к горцам. Отрицательное коннотативное значение слова *пиндос* имело поддержку в новогреческом языке благодаря паронимии

с другими словами, коннотативные макрокомпоненты значений которых содержат негативные оценочные семы: *πίνος* — «болото», «грязь»; *πινάρος* — «грязный»; *πινδαξ* — «дно»; *πένης* — «бедняк». Паронимия с н.-гр. *πέντα* [пéнда] — «пять», «ладонь», «пятерня» — вызвала появление современного оскорбительного для греков, а в XIX в. известного всем одесситам и считавшегося оскорбительным в Одессе жеста открытой ладони, пятерни [6, с. 302]. Отсутствие в России информации о топониме, породившем греческий микроэтноним *πίνδος*, вызвало потерю денотативным макрокомпонентом русского *пиндос*, в отличие от греческого *πίνδος*, сем «локус» и «часть». Сохранение же этнической семы «греческий» и всех сем коннотативного макрокомпонента обусловило использование слова *пиндос* как функционально и коннотативно сниженного синонима этнонима *грек*. Напр.: *Чёртов пиндос, Гаварсаки! [Константин Паустовский]*. В просторечии причерноморских городов слово *пиндос* функционирует как пейоративный этноним. Паронимия, в том числе межъязыковая, с некоторыми грубыми словами обусловила развитие семантической структуры русского *пиндос* в рамках грубого просторечия.

С середины XIX в. до 1941 г. евреи составляли не менее одной трети населения Одессы. На лексическую, фразеологическую, грамматическую, фонетическую систему русской городской речи язык идиш оказывал в то время значительное влияние. Например, образование интонационных конструкций диффузного типа в случаях, не предусмотренных русским речевым стандартом (ИК-4⁵, ИК-5⁴, ИК-5²), тяготение эмоционально окрашенной речи одесситов к восходяще-нисходящему типу ИК-5 и интонационной бицентровости возникли под влиянием интонационной системы языка идиш. О подобных фактах восходяще-нисходящей интонации идиш писал в сер. XX в. У. Вайнрайх [10, р. 640], определив их неславянское происхождение [11, р. 10].

Под влиянием украинского языка достаточно регулярно реализуются корреляции синтаксиса объекта каузирующего влияния и субъекта каузированного состояния «N₄» / «N₃» (*Вы мне пожалуста извините склерозной [Из письма]*); директива и объекта эмоционального отношения «к N₃» / «до N₂» (*Приходите сегодня до нас вечером... [Константин Паустовский]*); каузативных синтаксис «из-за N₂» / «по N₃» и «через N₄» (*...И вот он погиб через глупость [Исаак Бабель]* (= *из-за глупости / по глупости*)); объектных синтаксис при глаголах отношения «над N₅» / «с N₂»

(...Зайдите к нам во двор, есть с чего посмеяться [Исаак Бабель] (= есть над чем посмеяться)). Нормативной в русской городской речи Одессы является корреляция посессивных «быть- и иметь-конструкций», модальных конструкций возможности («мочь и иметь») и долженствования («долженствовать и иметь»): 1) ...Нет поэта, который имел и имеет столько поклонников... [Б. Ягджоглу] (ср.: *у которого было и есть / остаётся столько поклонников. — укр. ...*який мав і має стільки прихильників). 2) Мы имеем потерять много денег... [Валерий Смирнов] (ср.: Мы можем потерять много денег. — укр. Ми маємо / можемо загубити багато грошей). 3) Я имею вам сказать пару слов... [Исаак Бабель] (ср.: *Я должен вам сказать несколько слов. — укр. Я маю / мушу вам сказати кілька слів). Передача посессивного и частично дебитивного значений поддерживалась также до середины XX в. взаимодействием русского языка с немецким языком колонистов, проживавших до 1944 г. плотным поясом вокруг Одессы, а до последней трети XX в. — взаимодействием русского языка с языком идиш.

3. И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что «в языковедении ещё, может быть, более, чем в истории, следует строго держаться требований географии и хронологии» [1, с. 349]. Географический фактор влияет на лингвокультурный фон города по-разному. В городской речи чаще функционируют группы лексики, отражающие специфику рельефа, климата, растительного и животного мира, доминирующих ископаемых и строительных материалов, природных ориентиров. Эта лексика обычно активно используется в региональной топонимии (как народной, так и официальной). Например, среди одесских названий ветров известны ветры *левант* (юго-восточный), *молдаван* (западный и юго-западный), *поляк* (северо-западный), *турок* (южный), названные так в связи с географическим расположением Одессы. *Бора* < греч. *Βορέας* — так одесские рыбаки и моряки называют «северный ветер». Направление этого ветра совпадает в греческой национальной и одесской городской лингвокультурах. Для жителей центральной России слова *ракушечник*, *бут*, *катакомбы* звучат как экзотизмы, в то время как в причерноморской степи камень-*ракушечник* (*ракушняк*) и *бут* (*дикарь*) — оптимальные природные строительные материалы, а *катакомбы* в Одессе и её окрестностях образовались в результате добычи *ракушняка* и получили свою историю, став одной из визиток города. С древних времён *тополь* имел

символическое значение для народов, населявших северное Причерноморье. Это дерево часто изображается на античных рисунках охотничьих сцен на рубеже двух эр [4, с. 2]. Это свидетельствует о том, что *тополь* был в этом регионе символом охотничьей удачи и безопасности. У современных поэтов юго-западной литературной школы *тополь* символизирует человеческую молодость, красоту, непокорность, стабильность: *Стройный тополь с высоты / Рассыпал свой пух. / И от этой красоты / Веять взмывал мой дух* [Лина Томчи]. *Вспомню... Опалённые пожарищем / Тополя над пепелищем хат...* [Григорий Карев]. Белая акация стала растительным символом Одессы, так как была первым деревом, хорошо прижившимся здесь в первые десятилетия строительства города. Этот растительный символ зафиксирован в городском гимне: *Когда я пою о любви без предела, / О людях, умеющих верить и ждать, / О гроздьях душистых Акации белой, / Тебе я спешу свою песню отдать!* [Владимир Масс, Михаил Червинский]. В 1839 г. проф. К. П. Зеленецкий отмечал, что в Одессе гордятся душистыми акациями и тополями [3, с. 248]. У одесских поэтов акация имеет положительные коннотации: *И у каждого ворот на свиданье с талантом в белом платье акаций являешься ты* [Виктор Бершадский]. *Горит черноморское солнце в тумане, / Акации с нами в пути* [Марк Лисянский]. *Отряды шагают и едут по Пушкинской и Ришельевской, / Ветвями встречают победу акации в платье апрельском...* [Семён Курсанов].

4. Лингвокультурный фон речи того или иного города — важный феномен в понимании историко-культурного кода жителей этого города. Исторические и культурные события в жизни города создают его неповторимую историю и речевую специфику, прямо или косвенно влияя на формирование городских прецедентных единиц: мемов, логоэпистем, фразеологизмов, прецедентных феноменов. Одни из них имплантируются в общепотребительную речь, определённое время сохраняя региональную прецедентность и выступая символами сценариев, отражающих историческую и/или культурную специфику отдельного города, региона. Региональная прецедентность таких единиц постепенно выветривается, как, например, из бывших москвизмов *коломенская верста* (верстовые столбы на Царской дороге из Кремля в Коломенское (летнюю резиденцию царя) были ровно в два раза выше обычных верстовых столбов) и *во всю ивановскую* (с Ивановской площади Кремля глашатаи провозглашали царские указы); одессизма

не фонтан! (до строительства водопровода пресную воду в Одессу возили из ключей, находившихся в тогдашних пригородах — Малом, Среднем и Большом Фонтанах; перед покупкой воды одесситы пробовали воду и оценивали её качество, отличая фонтанскую воду от горько-солёной колодезной); из питеризма *под одну гребёнку* (архитектор Н. П. Гребёнка быстро, но качественно проектировал и строил в сер. XIX в. доходные дома, похожие друг на друга, без дизайнерских излишеств [5, с. 178—180]) и под. Другие продолжают использоваться в местных сценариях, как, например, питеризм *бенуёвские переделки* и одессизм *местечковое барокко* для характеристики архитектурной безвкусицы и некачественного ремонта здания; питеризм *каждому поколению своя блокада* — о трудной жизни в кризисные 1990-е годы. *Сенат и Синод живут подарками* — блестящий питерский каламбур, соединяющий коррупционную суть властных структур с особенностями архитектуры зданий Сената и Синода в С.-Петербурге: они соединены *аркой*, под которой начинается улица Галерная.

Исторические и культурные события в жизни города обуславливают не только появление новых урбанизмов, но и трансформацию существующих. Так, в одессике имеется мнение о том, что слово *bodega* пришло в речь одесситов в XIX в. из испанского языка [7, с. 52—53], поскольку в Одессе оно семантизировалось, как и в испанском: «погреб для хранения и дегустации вин», «трюм на судне под фордеком», «склад товаров в порту». После революции 1917 г. слово *bodega* одесситы употребляли редко. В период румынско-фашистской оккупации города оно снова стало частотным, однако под влиянием румынского *bodega* — «закусочная» — изменило семантическую структуру (сема «подземелье» стала периферийной). Быть владельцем *bodegi* стало одним из самых прибыльных дел в оккупированной Одессе. В современной русской речи Одессы слово *bodega* употребляется с отрицательной коннотацией в значении «пункт общественного питания с плохим обслуживанием»: наливайка, пивная, рюмочная, бар, кафе, ресторан и под.

Топонимия каждого города содержит кластер топонимов, отражающих историческую и культурную специфику этого города. Например, во всех бессарабских и буковинских городах (и в Украине, и в Молдове), есть *улицы 28 Июня* в память о дне 1940 года, в который закончилась румынская оккупация этих регионов (1918—1940). Одесская улица *Щёголева* сохраняет имя героя Крымской войны, героя Одессы прапорщика А. П. Щёголева,

под командованием которого одной береговой батареей (четырьмя, а потом двумя орудиями) 10 апреля 1854 г. от города была отбита англо-французская эскадра, бомбардировавшая Одессу из 350 орудий. В названиях улиц и переулков Одессы хранит имена многих знаменитых земляков: *Ахматовой, Бабеля, Багрицкого, Гамова, Яши Гордиенко, Ильфа и Петрова, Маринеско, Утёсова, Филатова* и многих других [8; 9, с. 329—342].

Таким образом, лингвокультурный фон речи того или иного города — важный феномен в понимании специфики культурного кода его жителей. В нашем исследовании на примере русской городской речи показано, что основными в формировании лингвокультурного фона города являются социально-экономический, социально-этнический, географический и историко-культурный факторы. Приоритетным механизмом реализации феномена лингвокультурного фона города является территориально-социальная регионализация русской речевой нормы. Этот процесс выражается в особенностях образования, интерпретации и использования в устной и письменной речи некоторых групп слов, фразеологизмов, художественных средств, прецедентных единиц, а также в специфике вариативного использования ряда фонетических, просодических, грамматических, стилистических явлений. Дальнейшее исследование проблемы следует направить, во-первых, на установление межъязыковых и межкультурных универсалий в речи носителей разных языков, проживающих в больших городах мира, а в дальнейшем — на определение таких универсалий и особенностей речи в городах, специфически ориентированных в социально-экономическом и социально-этническом отношении.

Л и т е р а т у р а

1. *Бодуэн де Куртене И. А.* Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка / И. А. Бодуэн де Куртене // Избр. труды по общему языкознанию : в 2 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 1. — С. 348—350.
2. *Бюхер К.* Большие города в их прошлом и настоящем / Карл Бюхер ; [пер. с нем.] // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. — СПб. : Просвещение, 1905. — С. 1—26.
3. *Зеленецкий К. П.* Жизнь в Одессе : статья [отд. оттиск] / К. П. Зеленецкий. — Одесса, 1839. — С. 243—266.
4. *Маркевич А. И.* К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории / А. И. Маркевич. — М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, б. г. — 5 с.

5. *Синдаловский Н. А.* На языке улиц : рассказы о петербургской фразеологии / Н. А. Синдаловский. — М. ; СПб. : Центрополиграф : МиМ-Дельта, 2006. — 264 с.

6. *Смирнов В. П.* Большой полутолковый словарь одесского языка / В. П. Смирнов. — Одесса : Друк, 2003. — 488 с.

7. *Смирнов В. П.* Одесский язык / В. П. Смирнов. — Одесса : Полиграф, 2008. — 96 с.

8. *Степанов Е. Н.* Факторы формирования одесской урбанотопонимии / Е. Н. Степанов // Записки з ономастики : [зб. наук. праць / відп. ред. Ю. О. Карпенко]. — Одеса : Астропринт, 2000. — Вип. 4. — С. 12—22.

9. *Степанов Е. Н.* Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 — русский язык / Е. Н. Степанов. — Одесса, 2013. — 596 с.

10. *Weinreich U.* Notes of the Yiddish Rise-Fall Intonation Contours / Uriel Weinreich // For Roman Jakobson. — The Hague, 1956. — P. 634—643.

11. *Weinreich U.* Yiddish and colonial German in Eastern Europe : The differential impact of Slavic / Uriel Weinreich // The Fourth International Congress of slavists, Moscow, sept. 1958 : American contributions. — S.-Gravenhage : Mouton & Co, 1958. — 56 p.